

# ТЕАТР.

## Б. А. Горин-Горяинов.

В конечном счете роль индивидуальности и обаяния на сцене, где на зрителя непосредственно влияют живые творческие силы,—роль решающая. Если актер ими наделен—публика прощает ему бедность и однообразие приемов, недостаточно полное восприятие характеров, наконец, нарушение элементарных требований сцены вроде незнапия роли и т. п. Сколько грехов прощено публикой гениальному Варламову, сколько опущено грехов Комиссаржевской, за их яркую, поглощающую индивидуальность, за их обаяние, которое живолю зрителя сердечной теплотой, искренностью переживания, благодатными смехом и слезами, без которых нет театра, вне которых он теряет и биологическую, и социальную ценность.

Рис. С. Маклецова.



Горин-Горяинов счастливо наделен яркой индивидуальностью. В чем именно она состоит—определить словами крайне трудно. Можно назвать некоторые элементы—благородную легкость, интуицию, игривость и грациозность, необычайно простодушие,—но анализ этот мало к чему приведет: аромат целого останется неуловимым. Это духи таланта. Вдыхая, мы испытываем это обаяние, но сколько бы слов мы ни тратили, описание все же не даст истинного представления.

Горин-Горяинов не принадлежит к той категории артистов, которые стремятся поразить самостоятельными этюдами характеров, полнотой и законченностью той или другой жизненной картины, хотя и такие задачи он иногда блестяще разрешает (роль «князя К» в «Дядюшкином сне» по Достоевскому, роль князя Лиговского в «Два брата» Лермонтова).

Симпатии артиста скорее на стороне беспечного веселья и игривой шутки. И то и другое в известных пределах имеет полное, законное право на бытие в театре, как одна из влиятельнейших сценических форм воздействия. Это признавали все великие драматурги. В прологе «Фауста» комик разумно дает совет поэту: «Вы можете заставить фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть на сцену выступить; но не забудьте часть и шаловливого дурачества прибавить».

Вот это «шаловливое дурачество» и составляет предель сценического дарования Горина-Горяинова. Не прибегая к грубым комическим эффектам, артист берет роль чрезвычайно естественно, без особых «кренделей», но создает комическое впечатление, и вызывает настроение веселья, а бы сказал, главным образом, звуком, дикцией и комической наивностью общего тона. Не подчеркивая отдельных словечек, Горин-Горяинов владеет своеобразной манерой говорить ее сцены, которая при повторяемости одного и того же слова несколько раз подряд, соединенной с небольшой скороговоркой и при простодушии и наивно-ребяческом лице—в итоге создаст яркий комический эффект. Играет ли он Сгаррелия (Дон-Жуан), кавалера дн Рипафрата («Трактирщица»), Горинга («Идеальный муж») — одним этим использо-

ванием дикции и бесконечным разнообразием нюансов, — артист вносит в зрительный зал благодущие и веселье.

Но богатый и далеко еще неисчерпанный талант Горина-Горяинова заключает в себе не только стихию комического, но и глубокий драматический элемент. Крутицкий («Не было ни гроша») и Тарелкин («Смерть Тарелкина»), — лучшее подтверждение. Здесь он показывает творческую наблюдательность, неслыханно находит в себе жуткие, сухие, жесточкие тона.

Физические средства выражения у него в полном подчинении, оттого он так разумительно свободно владеет сценой и овладевает публикой с первого выхода. Играет он грациозно, с художественной простотой и мягкостью, без крика и шума, очень редко соскальзывая на шарк (тр. Любин «Провинциалка» и Репетилов). Но это не его вина. — это вина сцены публики, отчасти того репертуара, в котором артист первые 10 лет выступал на частной сцене, но тот, кто наслаждался игрой Горяинова в ролях Ковзель («Мещанин во дворянстве»), Фигаро, Скапенна, — тот должен простить шалости и слабости таланта.

Редко театр смеется от души. Вот почему публика любит Горин-Горяинова искренней и признательной любовью, как обладателя чудесной и драгоценной способности—дарить смех. Смех возбуждает, молодит, дарит жизнерадостность, не требуя от нас ничего, кроме открытого сердца. Те же, кто разучился улыбаться и смеяться в театре, кто предпочитает мрачные настроения, — пусть утешает себя тем, что и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль.

А. БРЯНСКИЙ.